

Процессы изменения ценностей протекают не строго линейно, в смысле прямолинейно направленного вверх или вниз развития. Чаще всего эти процессы происходят под влиянием прогрессивных и тормозящих сил, новаторов и консерваторов, благоприятствующих обстоятельств и сильного сопротивления. В каждом отдельном случае неравномерно, толчками, волнообразно или циклично. В процессе подобных изменений многие «новые ценности» в действительности являются заново открытыми, ремобилизованными «старыми ценностями», с изменившейся интерпретацией и ранговым положением в действующей всеобщей системе ценностей.

Лукин А.Н.

г. Челябинск

Сакральное в системе ценностей культуры

Существует множество определений культуры, что объясняется сложностью этого феномена. В рамках этой работы мы под культурой будем понимать сложноорганизованную, иерархическую систему смыслов, ценностей и норм.

При этом любой предмет, созданный человеком, рассматривается нами лишь как материальное тело культуры, и только в том случае, если в нем “поселяется” смысл. Если перед нами вещь, смысл которой никому не ясен, то она находится за пределами культурных отношений, так как ее нельзя распродметить.

Смысл, согласно толковому словарю С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведова, - это, с одной стороны, “содержание, сущность, суть,

значение чего-нибудь...”, а с другой, “цель, разумное основание чего-нибудь”. Это определение отражает глубокую связь культуры и смысла. Фрагмент объективной или субъективной реальности может быть отнесен к сфере культуры только тогда, когда в нем усматривается некое разумное основание.

Наличие смысла для нас является атрибутивным признаком культурного. Он может быть внесен и в предмет, который не создан человеком. Мусульмане поклоняются Каабу, который для них, несомненно является феноменом культуры, поскольку в нем “живет” некий смысл. Камень при этом обработан (окультурен) не физическим способом, а духовным.

Все культурное воспринимается человеком и обществом с позиции его полезности, способности удовлетворять какую-либо потребность человека. При этом далеко не всегда на первое место следует ставить экономические потребности. Так, для верующего христианина его нательный крест ценен как носитель некоего духовного смысла, а не как вещь, обладающая меновой стоимостью.

Культура - это иерархия ценностей. От этой иерархии зависит образ жизни человека. Так, если в обществе большинство его членов личное богатство ценит выше чем, например, сохранение природных ресурсов, то даже самые жесткие запретительные меры не могут исключить явление варварского отношения к природе. При этом браконьеры, в основной своей массе, не отрицают важности сохранения ресурсов, но не тогда, когда эта ценность вступает в противоречие с более высокой для них по рангу ценностью.

Одной из важнейших ценностей для большинства индивидов является его собственная жизнь. Но далеко не всегда она является главной. История знает немало примеров сознательного самопожертвования, тогда, когда у личности есть ценности, выводящие ее за пределы собственного “Я”. Это явление мы будем называть трансцендированием. Чаще всего здесь мы имеем дело с сакральным уровнем культуры, анализ которого мы проведем позже.

Всякое культурное, на наш взгляд всегда воспринимается человеком и обществом как ценность, занимающая свое место в общей иерархии ценностей.

Культура обеспечивает возможность согласования интересов индивидов и совместное проживание благодаря системе норм предписывающих определенное поведение. Эти нормы выступают в форме морали, прав, традиций, обычаев, этикета, правил дорожного движения и т.д. Позже мы убедимся в том, что все эти нормы поддерживаются либо авторитетом силы (чаще всего государства) либо их укорененностью в сакральном пласте культуры (возможно и тем и другим).

Понятие “сакральное” чаще всего используется как синоним терминов “священное”, и “религиозное”. Не будем отрицать их содержательную связь, но позволим дать свой сравнительный анализ этих категорий.

Религия включает в себя три элемента: религиозное сознание (систему догматов, богословские теории и религиозную психологию); религиозный культ и религиозную организацию.

Только те религиозные ценности, которые воспринимаются человеком, как имеющие сверхъестественную природу или свойства мы отнесем к сфере сакрального. При этом, в рамках религиозного, сакральное и священное будут совпадать.

Но можно привести немало примеров формирования ценностей, которые вызывают явление трансцендирования, но при этом не имеют сверхъестественной природы. Например, вера в возможность построения коммунистического общества для носителей советской идеологии имеет признаки святости. В этом случае мы можем констатировать сакрализацию духовных ценностей, выработанных вне религии.

Одни и те же культурные ценности могут восприниматься одними людьми как сакральные, а другими в то же самое время как обычные. Критерием этого будет наступление или отсутствие процесса трансцендирования.

Смыслы, ценности и нормы - это не разные культурные феномены. Это три ипостаси культурного. Каждый смысл измеряется индивидом или социальной группой по шкале ценностей. При этом культура предстает перед нами не как набор знаний, опыта, традиций и так далее, а как сложноорганизованная иерархичная система. Каждая ценность так или иначе влияет на поведение людей, их образ жизни, то есть, способна выступать как некая норма.

На основании вышеизложенного можно выделить два уровня священного:

- сакральное, связываемое со сверхъестественным;
- сакрализованное идеологическое.

Сакральное в свою очередь можно разделить на связанное с трансценденцией (сверхъестественным, находящимся вне мира и управляющего им) и укорененное в сверхъестественном, растворенном в природе.

Сакральное, связанное с трансценденцией, появляется в культуре много позже сакрального, связанного со сверхъестественным, имманентно присущим природе. По Э. Тайлору, все ценности первобытной культуры имели связь с обожествленной природой. Даже боги античной Греции обитали на Земле и олицетворяли земные силы. Хотя именно в античной культуре наметился прорыв к иному уровню сакрального. Над олимпийскими богами угадывалось нечто более могущественное (Зевс и тот не был всемогущим), от чего содрогались даже они, чему не могли смотреть в глаза и от чего зависели - это Рок, Ананка-Необходимость, "это темная, непонятная ни людям, ни богам сила, невидимая, невообразимая, неподдающаяся никакому, даже самому фантастическому воплощению. Бога, олицетворяющего Рок, нет. Его нельзя себе представить, увидеть его черты. О нем лучше не думать... Только где-то на краю света сидят три мойры - богини судьбы - и ткуют нити жизни. Только они знают веления Рока. Мойра Клото прядет жизненную нить. Мойра Лахесис вынимает жребий, а мойра Антропос заносит в свиток судьбы запись неизбежного.

Можно умиловать и уговорить человекоподобных богов, но неумолимы мойры”.

Первопричина жизни у древних греков находилась вне видимых явлений, о ней не говорили, перед ней трепетали. И именно этой силе начинают поклоняться древние евреи. Они пытаются постичь его законы, нравственные требования, предъявляемые к человеку (для верующего человека их дает людям сам Бог). Имя библейского бога Яхве (в другой транскрипции Иегова) означает “Сущий” - это невидимый смысл всего видимого. Сначала у евреев, а затем у народов христианского и исламского мира ценности, связываемые с трансцендентным, приобретают доминирующее положение в культуре. Смыслы, которые имели прямую или опосредованную связь с трансцендентным, формируют смысловое ядро соответствующей культуры, занимая ведущее место в общей иерархии смыслов, ценностей и норм.

На уровне сакральной культура не всегда может быть описана вербально. Она - не только рациональный, но и чувственный, а также иррациональный опыт человечества. Религиозная истина для верующего человека является в некой форме “откровения”, которое не всегда можно адекватно передать словами. Отсюда ограниченность возможности науки в исследовании этого феномена.

Сущность сакрального пласта культуры не может быть раскрыта в рамках традиционного эпистемологического знания. На это впервые указал И. Кант, который был убежден, что мы не можем

обладать знанием о чем-либо другом, кроме как об оформленном опыте и в формах опыта. Но, основываясь на принципе долга “ты обязан”, по И. Канту, мы можем приходиться к определенным предположениям, о которых мы ничего не можем знать, но которые тем не менее предъявляют себя нашей совести. Так мы приходим к выводу о наличии мирового нравственного распорядителя - Бога.

И. Кант указал на то, что, обращаясь к проблеме существования Бога, наш Разум встречает антиномию, так как с помощью опыта нельзя подтвердить ни одно из противоречащих высказываний “Бог есть” - “Бога нет”. Это предмет веры, а не знания.

Но откуда в нас возникает потребность, эта непреодолимая тяга к сакральному? На наш взгляд, осваивая культуру в процессе своей социализации, человек постигает не только “текст”, но и некий “контекст”, который формировался на протяжении столетий. С одной стороны, культура - это не только рациональный, но и эмоциональный опыт человечества (а далеко не все эмоции бывают осознаны). С другой стороны, культура, как внегенетически передаваемая информация, усваивается не только на уровне сознания, но и на уровне бессознательного. Сакральное, присутствуя в культуре на протяжении тысяч лет, пронизывает ее, зачастую занимает в ней доминирующее положение.

Сакральное, находящееся в культуре общества, для нас объективно задано. Оно, будучи соединено множеством связей с

другими пластами культуры, усваивается нами, начиная с первого дня жизни не только напрямую, но и опосредованно.

В свете изложенного выше будет интересно обратиться к понятию “архетип”, которое ввел в научный оборот ученик З. Фрейда, один из известнейших мыслителей прошлого века К. Юнг. Он, в отличие от своего учителя, исследовал не индивидуальное, а коллективное бессознательное. Архетип - это первообраз, первосмысл, присутствующий в коллективном бессознательном и активно влияющий на индивидуальное сознание. Он не может быть адекватно выражен вербально (мы пытаемся постичь некий архетип, например, тогда когда рассуждаем о том, что есть “Родина” или “мать-сыра земля”). Юнг так описывает архетипы: “Они созданы из материала откровения и отображают первоначальный опыт божества. Они открывают человеку путь к пониманию божественного и одновременно предохраняют от непосредственного с ним соприкосновения. Благодаря тысячелетним усилиям человеческого духа эти образы уложены во всеохватывающую систему мироупорядывающих мыслей. Они предстают в то же самое время в виде могущественного, обширного, издревле почитаемого института, которым является церковь”. В другом месте К.Юнг утверждает: “Поскольку мы через наше бессознательное причастны к исторической коллективной психике, мы, конечно, бессознательно живем в некоем мире оборотней, демонов и т.д.; ибо это вещи, которые наполняли все прежние времена мощнейшими аффектами”.

Естественно предположить, что многие архетипы укоренены в сакральном пласте культуры. Мы считаем, что сакральное, как и архетипы, могут находить свое выражение в символах высокого порядка, таких, например, как икона для христиан. Символами высокого порядка они являются постольку, поскольку в них проявляют себя те духовные ценности, которые выводят человека за пределы его собственного “Я”, то есть вызывают процесс трансцендирования.

В свете сказанного выше, очень опасно необдуманно вторгаться в область действия символов высокого порядка, так как они связаны со смысловым ценностным ядром культуры. Вспомним, к чему привела церковная реформа Никона в России, которая не касалась религиозной догматики, а затрагивала лишь обрядовую сторону. Но это привело к тому, что сотни людей сжигали себя в храмах, а многие тысячи верующих бежали во имя сохранения верности прежним символам в неосвоенные районы страны.

Сакрализованное идеологическое также проявляет себя в символах высокого порядка: государственный герб, гимн, флаг, мавзолей вождя, памятник герою и так далее. Когда разрушаются эти символы, происходит вторжение в смысловое ценностное ядро культуры, что приводит к массовым психозам, поляризации общества, конфронтации, а часто и человеческим жертвам. Поэтому актом коллективного безумия следует признать разрушение памятников старым кумирам, переименование городов и улиц, что имело место в начале 90-х годов прошлого века в России. Напротив,

принятие новой государственной символики по инициативе нынешнего президента, отказ от поспешного решения проблемы захоронения тела основателя советского государства (поскольку для многих россиян это все еще символ высокого порядка) продиктовано пониманием характера сложившихся в отечественной культуре сакральных ценностей.

На наш взгляд, не только идеология, но и официальная история в нормальных условиях только тем и занимается, что ублажает сакральные ценности в культуре и ее архетипы. К. Поппер, известный западный философ XX века, указал на то, что история не отвечает в полной мере критериям классической науки. В первую очередь потому, что ее положения не могут быть верифицированы. Современник, изучающий историю, имеет дело с субъективными взглядами летописцев, да и авторов учебников, на события прошлого. Одни и те же события в научно-исторической литературе разных народов представлены и интерпретированы по-разному. “Переписывание” истории, которое только у нас, россиян, так часто происходит, приводит всякий раз к очередному вторжению в область ценностного ядра культуры, а, следовательно, и нарастанию дезинтеграционных процессов.

Мы считаем, что среди множества функций сакрального - главными являются функция интеграции общественного целого и регулятивная функция.

Ценности, воспринимаемые большинством индивидов как священные, обеспечивают совместную жизнь людей, возможность противостояния негативному внешнему воздействию на общество.

Любые перемены в смысловом ядре культуры, на наш взгляд, порождают целый комплекс проблем, связанных с ослаблением социальной солидарности, конфликтом поколений, поляризацией общества, со сложностью самоидентификации личности. Дело в том, что ценностные ориентации, воспроизводимые в обществе в течение жизни многих поколений, передаются не только на рациональном уровне, но и на чувственно-эмоциональном. Вырабатывается на этой основе особый тип миропонимания и мироощущения. Кроме того, базовые ценностные ориентации являются особым фильтром, через который проходит вся информация о внешнем мире. Мы воспринимаем события чаще всего не как сторонние наблюдатели, а как заинтересованная сторона. Когда же старая система ценностей в обществе заменяется другой, происходит рассогласование личных и общественных оценок одних и тех же событий. У значительного количества людей появляется ощущение трагичности происходящего. Государство, проводящее реформы, многими воспринимается как машина, разрушающая национальную культуру.

Особо остановимся на проблеме ослабления социальной солидарности в период смены ценностных ориентаций. Система базовых духовных ценностей веками воспринималась людьми как нечто сакральное. Ее воспроизводство в обществе обеспечивала

господствующая религия. Впрочем, функции религии в этой области в новейшее время, как утверждал Э. Дюркгейм, может заменить идеология, что было характерно и для советского государства. Тогда непонятно, как можно провозглашать полную деидеологизацию общества. По сути, это призыв к разрушению духовных общественных связей. Не будем забывать, что именно религия и идеология поддерживают определенный уровень нравственности. Освобожденный от всякого идеологического давления человек, должен воспринимать нормы морали лишь как помеху его личному успеху. Не секрет, что многие так называемые “новые русские” стали таковыми во многом благодаря тому, что их не сдерживали на пути к богатству никакие моральные ограничения. В свете последовательной деидеологизации, проводимой в нашей стране, становятся понятными причины стремительного скачка преступности, падения нравов в обществе, в первую очередь среди молодежи, наиболее легко расставшейся со старой системой духовных ценностей.

Порвав с Абсолютом, деидеологизированный современный человек легко попадает в плен гедонистических ценностей. Их навязывает современное потребительское общество, в котором главной целью сильных мира сего становится не духовный облик человека, а желание сбыть произведенный продукт. Показательно то, какое место в нашей сегодняшней жизни заняла реклама. Она не только навязывает свои товары, она еще и формирует человека-гедониста.

Деидеологизированное общество разрушило образы прежних кумиров. Но было бы неправильно думать, что оно не создало новых идолов. В качестве образцов для подражания современная молодежь выбирает не богочеловека, принявшего крестные страдания ради людей, и не матросовых и космодемьянских, а раскрученных той же рекламой поп-звезд и персонажей голливудских фильмов. И тут становится по-настоящему страшно за наше будущее. Новое массовое искусство уже не занимается очищением человеческой души от скверны. Оно увлечено погоней за прибылью и ориентировано часто на Эрос и Танатос, два космических начала обнаруженных З. Фрейдом в бездне человеческого бессознательного, и контролируемых до поры запретительными нормами культуры. Здесь уместно привести оценку современного западного искусства, данную гениальным русским мыслителем П. Сорокиным: “Оно вынуждено фактически пренебрегать всеми религиозными и моральными ценностями, так как они редко бывают “развлекательными” и “забавными”, подобно вину и женщинам. Поэтому оно все более и более отстраняется от культурных и моральных ценностей и постепенно превращается в пустое искусство, эфимистично названное “искусством ради искусства”; оно аморально, десакрализовано, асоциально, а еще чаще - безнравственно, антирелигиозно и антисоциально...”.

Теперь подумаем о том, на самом ли деле является абсолютным благом та свобода, которую получил в избытке современный человек? Важно понять, как распорядиться дарованной

свободой, на что потратить свои сущностные силы. Свобода действительно представляется, на первый взгляд, невиданно полной, если понять что среднестатистический россиянин освободился не только от контроля со стороны государства за своей частной и политической жизнью. Еще раньше он сбросил с себя религиозные ограничения, а в начале 90-х и идеологические путы. Так почему же ничем не ограниченный человек не совершил прорыв в строительстве новой культуры, в подъеме экономики, образования, науки? Не потому ли, что ничем не контролируемая свобода - это анархия. А именно “анархия” - это то понятие, без которого не обойтись, давая характеристику положению дел во всех сферах российской общественной жизни. Подлинная свобода должна быть ограничена ответственностью. Ответственность же человека формируют только такие ценности, которые воспринимаются индивидом как сакральные. Они должны иметь надличностный характер. Тогда свободный человек сможет обрести не только внешнюю, но и внутреннюю свободу, освободившись от сосредоточенности на потребностях своего тела и обретя подлинную духовную свободу.

Сегодня наметилась тенденция подъема отечественной экономики. Но преодолеть поразивший российскую культуру глубокий кризис невозможно без обретения подлинных духовных ценностей, имеющих надличностный характер. Для этого необходимо пересмотреть свое отношение к истории, в том числе и к истории последнего столетия. Удивительно то, что наши

реформаторы не смогли применить диалектический закон отрицания отрицания, конструируя модель нового российского общества. Вернуться к частной собственности мы должны были только на новой основе. Семидесятилетний период строительства общества социальной справедливости, даже отрицаемый как неудавшийся, не должен был быть отброшен полностью. Там, где требовалось осуществить отрицание-снятие, произошло голое отрицание культуры советского периода, вместе с недостатками мы отказались и от ее великих достижений. Сегодня, когда идет поиск новой харизмы для российского общества, представляется уместным возродить российский патриотизм, отказаться от суррогатов западной культуры, попытаться соединить достижения европейского духа с сокровищами отечественной культуры. Этот великий потенциал оказался незадействованным реформаторами. Не потому ли столь неудачны сами реформы?

Сегодня совершенно очевидно то, что копирование чужой социокультурной модели не дает нужного результата. Надо понять очевидное - в мире не все живут по американским стандартам. Образы жизни японца и скандинава, араба и китайца существенно отличаются. Как различно и смысловое ценностное ядро каждой из названных культур. Развитие не должно вести к унификации культурных форм. Тогда оно лишится своего основного источника - диалога культур. Обретение нашим обществом подлинных ценностных ориентаций (многие из них должны носить сакральный характер) должно укрепить социальную солидарность, наполнить

жизнь россиян высшим смыслом, что позволит преодолеть тот глубокий кризис, который поразил нашу культуру. Только вновь обретя свое лицо, мы сможем играть и впредь достойную роль в развитии человеческой цивилизации.

Разинская В.Д.

г. Пермь

Роль ценностных ориентаций в регуляции свободного времени

Свободное время, под которым понимается часть внерабочего времени, свободная от исполнения разного рода непреложных обязанностей, выполняет важные социальные функции, обеспечивая восстановление сил человека, затраты его физической и психической энергии, удовлетворение разнообразных потребностей, физическое и духовное развитие личности. Степень реализации этих функций зависит от общественных условий, которые детерминируют свободное время через конкретные условия жизнедеятельности тех или иных социальных групп и через формирование системы ценностных ориентаций личности. Поскольку в отличие от рабочего времени и занятий, связанных с удовлетворением во внерабочее время физиологических и бытовых потребностей, свободное время менее регламентировано, то здесь больше возможностей для осуществления свободного выбора в соответствии с личными ценностями, интересами, предпочтениями.